

*Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 16–25.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 2 (79). P. 16–25.*

Научная статья
УДК 327.5
doi: 10.54398/1818510X_2024_2_16

**РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ
В СОВРЕМЕННЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙНАХ**

**Алаудинов Анты Аронович¹✉, Стригунов Константин Сергеевич², Гончаренко
Анна Романовна³**

¹2-й армейский корпус 8-й армии Южного военного округа МО РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия

²Ассоциация специалистов по информационным операциям, г. Москва, Россия

³Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

¹a05101973@mail.ru ✉

²sks6891@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6202-7493>

³annagoncharenko3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5310-0505>

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности применения в современных формах гибридных войн негосударственных акторов, к которым относятся террористические организации, криминальные группировки, повстанцы и наёмники. Цель работы состоит в том, чтобы показать особенности применения негосударственных акторов в современных гибридных войнах. Для этого поставлены две задачи. Первая задача состоит в том, чтобы показать, почему делается основная ставка на использование негосударственных акторов в ряде форм кинетических гибридных войн. Вторая задача – показать применение негосударственных акторов на примере гибридных войн, развязанных против Сирии и Ливии. В исследовании применялись общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Помимо общенаучных методов применялись системный и сравнительный подходы. Методологической основой исследования является неореализм. Выявлено, что в некоторых современных кинетических гибридных войнах делается акцент на использование иррегулярных формирований в качестве основного инструмента достижения военно-политических целей. Показано, что апробация современных форм кинетических гибридных войн осуществлялась в Сирии и Ливии. Современные организационные и информационные технологии позволили использовать негосударственные акторы против государств и на их территориях создавать зоны по возвращению боевиков. Эти боевики впоследствии задействуются в других конфликтах. Гибридные войны могут осуществляться в отсутствие уже существующего военно-политического движения, используемого против правительства государства-мишени. Вместо этого применяются организованные в сетевые формирования различные негосударственные акторы. Применение подобных сетей способно нанести ущерб государству, который сопоставим с ущербом от традиционной войны.

Ключевые слова: гибридные войны, кинетические и некинетические гибридные войны, современные конфликты, Сирия, Ливия, негосударственные акторы, иррегулярные формирования, сети

Для цитирования: Алаудинов А. А., Стригунов К. С., Гончаренко А. Р. Роль негосударственных акторов в современных гибридных войнах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 2 (79). С. 16–25. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_16.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE ROLE OF NON-STATE ACTORS IN MODERN HYBRID WARS

Apty A. Alaudinov¹✉, Konstantin S. Strigunov², Anna R. Goncharenko³

¹The 2nd Army Corps of the 8th Army, Southern Military District, Ministry of Defense of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

²Association of Information Warfare Specialists, Moscow, Russia

³Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹a05101973@mail.ru✉

²sks6891@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6202-7493>

³annagoncharenko3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5310-0505>

Abstract. The features of the use of non-state actors, which include terrorist organizations, criminal groups, rebels and mercenaries, in modern forms of hybrid wars are discussed by the authors in this article. The purpose of the work is to show the features of the use of non-state actors in modern hybrid wars. To achieve this, two tasks are set. The first task is to show why the main focus is on the use of non-state actors in a number of forms of kinetic hybrid warfare. The second task is to show the use of non-state actors using the example of hybrid wars unleashed against Syria and Libya. The second task is to demonstrate the use of non-state actors using the example of hybrid wars unleashed against Syria and Libya. General scientific methods such as analysis, synthesis, induction, and deduction are used for the study. In addition to general scientific methods, there are systematic and comparative approaches. The methodological basis of the study is neorealism. It is revealed that in some modern kinetic hybrid wars, emphasis is placed on the use of irregular formations as the main tool for achieving military and political goals. It is shown that the testing of modern forms of kinetic hybrid warfare was carried out in Syria and Libya.

Keywords: hybrid wars, kinetic and non-kinetic hybrid wars, modern conflicts, Syria, Libya, non-state actors, irregular formations, networks

For citation: Alaudinov A. A., Strigunov K. S., Goncharenko A. R. The role of non-state actors in modern hybrid wars. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 2 (79), pp. 16–25. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_2_16.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В современных гибридных войнах огромное значение имеют негосударственные акторы, включающие террористов, криминальные элементы, повстанцев и наёмников. Умение применять их против неудобного государства и его властей способно дать значительные геополитические дивиденды. Более того, даже если государство-мишень, подвергшееся агрессии с использованием подобных иррегулярных сил, сумеет устоять, то, вероятнее всего, оно понесёт огромный ущерб, сопоставимый с применением средств и методов традиционного масштабного военного конфликта. Примером этому является Сирия и Ливия, подвергшиеся агрессии целой коалиции стран с использованием подобных иррегулярных формирований, ставшие ядром на тот момент новейшей формы гибридных войн. В данной работе мы покажем особенности применения иррегулярных формирований в качестве основной ударной силы в гибридных войнах на примере Сирии и Ливии.

Мы исходим из того, что все гибридные войны делятся на две основные формы: некинетические и кинетические. Разделение обусловлено критерием, роль которого выполняет физическое насилие, т. е. кинетическое воздействие: его отсутствие или наличие. Между этими формами не существует строгого разделения. Кинетические формы гибридных войн могут включать в себя некинетические, к которым мы относим информационно-психологическое воздействие (информационные операции, пропаганду, фейки), кибератаки, торгово-экономические санкции, т. е. средства и методы, применение которых не наносит прямой, непосредственный физический

ущерб государству-мишени, его военно-политическому руководству, инфраструктуре, населению, войскам и т. п. Однако косвенный ущерб способен довести государство-мишень до такого состояния, при котором могут возникнуть экономический коллапс, социальные потрясения, внутренние конфликты, т. е. эффекты второго порядка, образующие единое целое с некинетическими методами и средствами воздействия.

В кинетических гибридных войнах изначально применяются силы, способные совершать организованное физическое насилие. Это, например, «цветные революции» или ряд военных конфликтов, в которых задействуются боевики иррегулярных формирований. Всё это увязывается с некинетическими средствами и методами воздействия, создавая кумулятивный и синергетический эффект разрушительного воздействия на государство-мишень, позволяющий добиваться военно-политических целей, каких акторы добиваются в традиционной войне.

Сетевые негосударственные акторы в гибридных войнах

В современных гибридных войнах особое внимание уделяется использованию негосударственных акторов [3], какого не наблюдалось никогда за всю историю. Даже период Тридцатилетней войны, когда активно привлекались ландскнехты, несопоставим с гибридными войнами современности. Именно усиление влияния негосударственных, особенно насильственных, акторов стало одним из ключевых факторов ускорения эволюции гибридных войн, особенно их кинетических форм. Это связано с тем, что ограничение в виде пересечения порога традиционной войны стимулирует переход к использованию негосударственных акторов.

Помимо того, что всегда можно отказаться от какой-либо связи с негосударственными акторами, взаимодействие государственных ведомств с ними открывает новые возможности, чьё появление обусловлено сетевой или преимущественно сетевой формой организации многих негосударственных акторов. Государства по целому ряду причин, прежде всего вследствие того, что являются бюрократическими иерархиями, не всегда адекватно приспособлены достигать целей в условиях, когда нужно отрицать своё участие или же, не отрицая своего участия, действовать опосредованно. Для этого лучше всего подходят именно преимущественно сетевые организации, которые не нуждаются в многочисленных согласованиях для осуществления того или иного действия. Следовательно, у них намного менее остро стоит проблема так называемого длинного «плеча доклада». Допустим, подразделениям низового уровня в зоне боевых действий требуется согласовать то или иное решение с самым высоким руководством операции. В момент времени T_1 снизу идёт запрос наверх, который доходит до самого высокого уровня к моменту времени T_2 . Интервал между T_1 и T_2 обозначим как $\Delta T'$. После этого осуществляется принятие решения до момента T_3 . Интервал между T_2 и T_3 обозначим как $\Delta T''$. Затем по цепочке ответ идёт вниз и доходит до источника запроса в момент времени T_4 . Интервал между T_3 и T_4 обозначим как $\Delta T'''$. На каждом из промежуточных уровней, во время прохождения запроса «снизу вверх», во время принятия решения и во время ответа «сверху вниз», возникают задержки, в результате чего время реакции составляет:

$$\Delta T' + \Delta T'' + \Delta T''' = \Delta T,$$

где $\Delta T'$ – время прохождения запроса «снизу вверх»;

$\Delta T''$ – время принятия решения;

$\Delta T'''$ – время передачи ответа управляющего контура «сверху вниз»;

ΔT – общее время реакции управляющего контура.

Как следствие, принятое решение, дошедшее до источника запроса в момент времени T_4 , может быть адекватно условиям в момент времени T_1 , но неадекватно в момент времени T_4 , т. к. за интервал ΔT ситуация может существенно измениться. Данная проблема являлась одной из основных причин разработки теории сетевых войн [16], где проблема иерархии решалась за счёт увеличения осведомлённости между подразделениями низового уровня, согласованности и эффекта самосинхронизации [19], вследствие которого значительную часть решений подразделения

принимают сами, но действуя в рамках общей стратегии. В вооружённых силах добиться такого эффекта весьма непросто из-за иерархической организации, функционирующей в режиме передачи команд «сверху вниз». В то же время негосударственные акторы, часто не имеющие чёткой и постоянной структуры, в силу своей преимущественно сетевой организации лучше подходят для сетевых действий. Вместе с тем возникают иные сложности, поскольку управлять специфическими сетевыми организациями по типу террористических, криминальных или наемнических в директивном режиме сложнее, а в некоторых случаях невозможно. Однако современные подходы в организации и управлении [20] позволили решить часть этих проблем и перевести подходы и технологии гибридных войн на новый эволюционный уровень.

Так же немаловажно и то, что увеличилось разнообразие негосударственных акторов как насильственных, если речь идёт о физическом насилии, так и ненасильственных, если речь идёт об акторах, не использующих физическое насилие, но способных к насилию информационному (например, НПО, НКО, хакерские группы). Эти акторы обладают своими качествами и возможностями, начиная от тенденциозного освещения событий до проведения разведывательной деятельности, привлечения агентов влияния или устрашения населения противника с помощью террористических методов, что важно в случаях, когда государство, стоящее за этими негосударственными акторами, всячески дистанцируется от них, но скрытно использует в собственных интересах. Государства предоставляют свои ресурсы негосударственным акторам, которые, используя свои сильные стороны (неопределённость правового статуса, гибкость организации, готовность делать «грязную» работу вместо государств), заменяют государства там, где последним выгодно скрыть свою вовлечённость. Как следствие, такой аутсорсинг и гибкое взаимодействие государственных и негосударственных акторов кардинально расширяет возможности ведения современных гибридных войн для достижения военно-политических целей. Такое гибкое взаимодействие приводит к возникновению нелинейных эффектов, точнее – синергии, которая была невозможна в прошлом, поскольку тогда отсутствовали необходимые для этого условия, технологии, возможности для организации (связь, координация и управление) и соответствующее стратегическое мышление, начавшееся формироваться лишь ближе к концу XX в. Эти эффекты проявились в гибридных войнах, развязанных против Сирии и Ливии.

Сирия как полигон для отработки современных гибридных войн с участием негосударственных акторов

Во время агрессии коллективного Запада и ряда ближневосточных стран в 2011 г. в отношении Сирии [6] в качестве основного инструмента использовались парамилитарные (иррегулярные) формирования, представленные разного рода радикальными исламистами, криминальными элементами и наёмниками, суммарно достигавшие в максимуме численности порядка 100 тыс. чел. [9]. Никогда прежде для разгрома вооружённых сил государства не применялись в таком количестве иррегулярные силы, которые были аккумулированы на территории Сирии из порядка ста стран мира [17]. Важно то, что на эти силы была сделана основная ставка, поскольку на территории Сирии не было достаточно мощного военно-политического движения, способного противостоять действующей власти, её армии и спецслужбам (в отличие от ситуации в Афганистане в 1980–1990-е гг.). Поэтому было решено сделать ставку на исламистов в качестве основного инструмента деконструкции не только власти Башара Асада, но и всего государства [14; 15].

Применение негосударственных акторов в таком масштабе, когда на них была сделана основная ставка, стало новой вехой в эволюции гибридных войн. Фактически кумулятивный потенциал этих формирований был достаточным для того, чтобы разрушить целое государство, не самое слабое по ближневосточным меркам, несмотря на то, что действующая сирийская власть смогла устоять [10]. Это доказывает огромную разрушительную силу таких форм кинетических гибридных войн. Следует отметить, что параллельно с применением боевиков из самых разных террористических

группировок, образовавших конгломераты по типу запрещённой в России террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам», применялись информационные операции, в т. ч. с использованием так называемых «Белых касок» [4], т. е. действия террористов поддерживались на политическом и информационном уровнях, помимо финансирования, снабжения разведанными и подготовки боевиков в тренировочных лагерях и базах в сопредельных в Сирии странах. За счёт современных средств связи и управления боевики смогли добиться высокого уровня координации между собой, хотя взаимодействие боевиков при совместном участии в боях против правительственных сил не отменяло противоречия между их группировками.

При этом западным и ближневосточным кураторам боевиков удалось добиться весьма важного с точки зрения международной безопасности результата. Сирия де-факто распалась на несколько частей, одна из которых контролируется правительственными силами при поддержке проиранских формирований и Вооружённых сил Российской Федерации, другая контролируется курдами при поддержке американцев. На севере существуют квазигосударственные анклавы, поддерживаемые Турцией. Кроме того, в провинции Идлиб также возник квазигосударственный террористический анклав, а на стыке границ Сирии, Ирака и Иордании американцы создали лагерь Эр-Рукбан, выполняющий функцию инкубатора для взращивания террористов и использования их против других стран [1]. Более того, на неподконтрольных правительству территориях Сирии созданы анклавы с низким уровнем какого-либо контроля ООН (или отсутствием такового) и любых других международных организаций, где взращиваются боевики из числа террористических организаций и криминальных элементов для последующей переброски в другие зоны конфликтов, где их можно было бы использовать в тех или иных целях. Отчасти это является продолжением отработанной в Афганистане схемы, когда моджахедов, воевавших против советских войск в 1979–1989 гг., впоследствии отправляли для участия в различных локальных войнах, например в Боснийской войне (1992–1995 гг.). Разница состоит в том, что в Афганистане иностранные боевики составляли значительно меньшую часть по сравнению с боевиками местных этнических групп, в то время как в Сирии иностранные боевики играли определяющую роль.

Нейтрализовать, хотя не в полной мере, парамилитарные иррегулярные формирования, аккумулированные в Сирии усилиями стран коллективного Запада и Ближнего Востока, удалось благодаря совместным действиям Ирана, России и правительственных сил Сирии. Иран смог перебросить в зону конфликта множество бойцов из шиитских групп, от ливанской «Хезбаллы» до «Лива Зайнабиюн», укомплектованной пакистанскими шиитами [8]. Россия обеспечила прикрытие с воздуха, а через свои подразделения участвовала в боевых действиях на земле. В результате был найден симметричный ответ на действия коллективного агрессора, использовавшего в качестве основного инструмента для вторжения множество иррегулярных формирований, что переломило ход войны и спасло Сирию от окончательной фрагментации и свержения Башара Асада.

Применение негосударственных акторов в гибридной войне против Ливии

Схожим случаем является война в Ливии (2011 г.), если рассматривать её первоначальный этап до начала интервенции НАТО, когда коллективный Запад при помощи в первую очередь своих ВВС и сил специального назначения через поддерживаемые им террористические банды, которые были названы «оппозицией», осуществил убийство М. Каддафи. Сама по себе война в Ливии на начальном этапе имела все признаки современной кинетической гибридной войны, когда после инициации спланированного восстания против власти М. Каддафи были задействованы иррегулярные формирования самых разных убеждений – от гражданских лиц и дезертиров до салафитских джихадистов и других негосударственных субъектов, ставших частью процесса глобализации террористических угроз [2]. Пример с Ливией демонстрирует связь между запущенной цепью «цветных революций» под общим названием «Арабская весна» и последовавшей стремительной трансформации попытки

«цветной революции» в полномасштабную гибридную войну. Аналогичная ситуация наблюдалась в 2011 г. и в Сирии. В обоих случаях внешние акторы, будучи не в состоянии свергнуть М. Каддафи и Б. Асада технологиями «цветных революций» с использованием протестных движений при синхронном параличе властных структур, перешли к интенсивному наращиванию разнообразных формирований, состоящих в том числе из радикалов. К концу 2012 г., уже после свержения М. Каддафи, в Ливии насчитывалось порядка 140 вооружённых группировок самого разнообразного идеологического окраса [5]. Отчасти это связано с запущенным механизмом свержения ливийского лидера, отчасти стало следствием войны, когда страна была фактически расколота и погрузилась в полный правовой нигилизм, а вместо власти появились негосударственные насильственные субъекты, ориентирующиеся на внешние силы и взаимодействующие с ними.

В ходе развязанной в начале 2011 г. Ливии гибридной войны, перешедшей в марте того же года в полномасштабную традиционную войну, её организаторы провели апробацию создания зон с повышенной концентрацией радикалов-террористов. Именно в ходе «Арабской весны» была отработана технология социального инжиниринга, когда радикалы, задействованные для свержения власти в одной стране, оседали в ней, после чего использовались в другом конфликте в государстве с схожими социокультурными условиями. Как отмечают некоторые исследователи, ливийцы ещё в 2011 г. начали отправляться на войну в Сирию, где присоединялись к существующим джихадистским группировкам или основывали собственные, а в 2012 г. одна группа ливийцев в Сирии распространила заявление об образовании бригады «Баттар» [21], которая присягнула на верность запрещённой в России террористической организации «Исламское государство». Целые города по типу Дерны (северо-восток Ливии) были превращены в рассадники радикального исламизма и терроризма.

В результате инициаторы развязанной гибридной войны сумели создать криминально-террористические анклав, которые затем использовались в качестве инкубатора для выращивания боевиков. Впоследствии эти боевики перебрасывались в другие страны, в отношении которых развязывалась гибридная война. Фактически был создан механизм создания стратегического тыла для боевиков, из которых состоят иррегулярные формирования, организованные по сетевому принципу. Войны в Ливии и в Сирии были частью единой стратегии, когда свержение власти в одном государстве приводило к его фактическому распаду и полномасштабной социально-экономической дестабилизации, параллельно создавая условия для дестабилизации другого государства. Государство в Ливии как институт и надстройка над многочисленными племенами (например, амазиги, туареги, тубу [13]) прекратило своё существование. Это стало причиной инволюции Ливии к квазигосударственным формам организации в виде разрозненных частей государства [18], автономных городов и территорий, контролируемых племенами, различными террористическими организациями и бандами [12]. В таких условиях возникновение экстремистских анклавов стало практически неизбежным, а маргинализованное и выброшенное на социальное дно население стало тем самым источником радикализма, использованным внешними силами в качестве ресурса для организации террористических группировок.

Таким образом, вследствие относительной географической близости и схожести в языковом и культурном отношениях, образованные в Ливии группировки радикалов стали активно перемещаться в зоны новых конфликтов, как было в Сирии. Там они стали частью целого конгломерата террористических группировок, принимавших участие в боевых действиях против сирийских правительственных сил, и по схожей схеме формировали террористические анклав при активном участии иностранных государств и их спецслужб. Так, Директор СВР России С. Е. Нарышкин в мае 2023 г. сообщил, что «в Вашингтоне не скрывают своего раздражения успехами Сирии и хотели бы повернуть наметившиеся тенденции вспять» [11], а для реализации своих подрывных замыслов американские спецслужбы вновь намерены использовать

исламских экстремистов. По данным главы СВР, «управление этой преступной деятельностью осуществляется с американской военной базы “Эт-Танф” у границ Сирии с Иорданией и Ираком». По его словам, на территории этой военной базы готовятся десятки боевиков ИГИЛ¹. Для пополнения их рядов освобождаются террористы из тюрем в оккупированной северо-восточной части Сирии. Боевики снабжаются стрелковым оружием, боеприпасами, противотанковыми ракетными комплексами. Контролирует вылазки боевиков в провинциях Сувейда и Дераа находящаяся в этой зоне группа сотрудников спецслужб США. В последующем боевики из Ливии и Сирии релоцировались в другие зоны военных конфликтов, в частности в Нагорный Карабах в 2020 г. Данную информацию подтвердили в МИД России, где отметили, что, «по поступающим сведениям, в зону нагорно-карабахского конфликта осуществляется переброска боевиков незаконных вооружённых формирований, в частности из Сирии, Ливии, в целях непосредственного участия в боевых действиях» [7].

Из данного анализа следует, что одним из поражающих факторов кинетических форм гибридных войн является создание территориальных образований, где генерируются условия для возвращения криминальных и экстремистских элементов, которые затем используются в аналогичных нетрадиционных военных конфликтах и выполняют функцию перманентного стратегического резерва, используемого в дальнейшем для агрессии против других государств, когда в этом появится заинтересованность у внешних спонсоров и организаторов. Таким образом, цепная реакция в виде демонтажа политических режимов в ходе «Арабской весны» стала новым этапом в эволюции гибридных войн.

Выводы

Важная особенность эволюции гибридных войн с использованием негосударственных акторов состоит в том, что фактор опосредованности участия государств никуда не исчезает, однако современные гибридные войны, особенно если речь идёт об их кинетических формах, могут осуществляться в отсутствие уже существующего прокси-актора, будь то государство или негосударственный актор. Оказалось возможным достигать военно-политических целей, сопоставимых с теми, которые достигаются в результате победы в традиционном военном конфликте. Кроме того, в ходе эволюции гибридных войн возросла роль сетевых организаций, выступающих в качестве одних из важнейших – в ряде случаев даже ключевых – составляющих гибридных войн практически всех форм, что особенно проявилось в гибридных войнах последних десятилетий. Данная особенность обусловлена свойствами сетей и их некоторыми преимуществами перед иерархическими организациями.

К одним из наиболее ярких примеров гибридных войн относятся войны в Ливии и Сирии. Именно там было впервые продемонстрировано, особенно это касается сирийского случая, как коллективный агрессор в состоянии оказать разрушительное воздействие на государство-мишень, перебросив на его территорию десятки тысяч боевиков – от террористов-исламитов до наёмников и криминальных элементов, из которых были сформированы сетевые иррегулярные формирования, выступившие основной ударной силой в войне против правительственных войск. Таким образом, ключевым инструментом для опосредованной вооружённой агрессии стало независимое и подконтрольное государство или вооружённый негосударственный актор, а созданный искусственным образом конгломерат из криминально-террористических сетей, что отличает кинетические гибридные войны, в которых делается акцент на использовании негосударственных насильственных акторов, от традиционных войн.

¹ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

Войны в Ливии и Сирии стали полигонами для отработки новейших форм и практик гибридных войн с разрушительными последствиями для государств, в отношении которых они применяются. Данные наработки могут быть применены и в других военных конфликтах.

Список литературы

1. Абылгазиев, И. И. Война США за «мир» в Сирии / И. И. Абылгазиев и др. – Москва : Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2021. – 96 с.
2. Бочарников, И. В. Глобализация террористической угрозы / И. В. Бочарников // Наука. Общество. Оборона. – 2018. – № 4 (17). – С. 1. – doi: 10.24411/2311-1763-2018-10169.
3. Гаджиев, К. С. О тотализации войны в гибридном измерении / К. С. Гаджиев // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 9–19. – doi: 10.31171/vlast.v27i3.6396.
4. Зинин Ю. Н. «Белые каски»: цели, дела, итоги / Ю. Н. Зинин // Международная аналитика. – 2019. – № 1–2. – С. 82–89. – doi: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-82-89.
5. Зинин, Ю. Н. Основные участники внутривосточного конфликта в Ливии / Ю. Н. Зинин // Международная аналитика. – 2016. – № 1. – С. 86–97. – doi: 10.46272/2587-8476-2016-0-1-86-97.
6. Ивашов, Л. Г. Сирия в контексте геополитической ситуации в мире и на Ближнем Востоке / Л. Г. Ивашов // Геополитический журнал. – 2013. – № 1. – С. 2–10.
7. Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно переброски иностранных наемников в зону нагорно-карабахского конфликта. – URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4363834 (дата обращения: 25.11.2023).
8. Манойло, А. В. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски / А. В. Манойло, А. В. Стебнева, К. С. Стригунов // Вопросы федеративных и национальных отношений. – 2020. – Т. 10, № 12 (69). – С. 2883–2893. – doi: 10.35775/PSI.2020.69.12.018.
9. Репко, С. И. Гибридные войны США (1979-2017) / С. И. Репко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2017. – № 778. – С. 156–165.
10. Стригунов, К. С. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны / К. С. Стригунов, А. В. Манойло, В. А. Безвербный. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с.
11. США пытаются помешать нормализации отношений Сирии с арабским миром. – URL: <http://svt.gov.ru/smi/2023/05/ssha-pytayutsya-pomeshat-normalizatsii-otnosheniy-siriii-s-arabskim-mirom.htm> (дата обращения: 25.11.2023).
12. Труевцев, К. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье / К. Труевцев // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 4 (298). – С. 80–99.
13. Хамза, А. Анализ событий первого этапа гражданской войны в Ливии в 2011 г. на основе работы российских исследователей / А. Хамза // Журнал международного права и международных отношений. – 2021. – № 3 (98). – С. 68–72.
14. Ходынская-Голенищева, М. С. Кризис в Сирии. (Межсирийский переговорный процесс и политическая сирийская оппозиция) / М. С. Ходынская-Голенищева // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 10. – С. 88–106.
15. Ходынская-Голенищева, М. С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений : дис. ... д-ра ист. наук / М. С. Ходынская-Голенищева. – Москва, 2018. – 1047 с.
16. Cebrowski, A. Network Centric Warfare: Its Origin and Future / A. Cebrowski, J. Garstka // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – Vol. 124, № 1. – P. 28–35.
17. Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. – URL: https://www.cverreferenceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (дата обращения: 24.11.2023).
18. Lacher, W. Libya's Fragmentation Structure and Process in Violent Conflict / W. Lacher. – London : I. B. Tauris, 2020. – 304 p.
19. Smith, C. Network Centric Warfare, Command, and the Nature of War / C. Smith. – South Carolina : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012. – 78 p.
20. The social engagement of social science: A Tavistock anthology. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. – Vol. 1: The Socio-Psychological Perspective / ed. by E. Trist, H. Murray. – 625 p.

21. Wehrey, F. Rising Out of Chaos: The Islamic State in Libya / F. Wehrey, A. Alrababa'h. – URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/59268> (дата обращения: 25.11.2023).

References

1. Abylgaziev, I. I. et al. *Voyna SSHA za "mir" v Sirii* [The US war for "peace" in Syria]. Moscow: The Foreign Policy Research and Initiatives Institute; 2021, 96 p.
2. Bocharnikov, I. V. Globalizatsiya terroristicheskoy ugrozy [The globalization of the terrorist threat in the modern world]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense]. 2018, no. 4 (17), p. 1, doi: 10.24411/2311-1763-2018-10169.
3. Gadzhiev, K. S. O totalizatsii vojny v gibridnom izmerenii [On the Totalization of War in a Hybrid Dimension]. *Vlast* [Vlast]. 2019, vol. 27, no. 3, pp. 9–19, doi: 10.31171/vlast.v27i3.6396.
4. Zinin, Yu. N. "Belye kaski": tseli, dela, itogi [White Helmets: Goals, Activity, and Outcome]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 2019, no. 1–2, pp. 82–89, doi: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-82-89
5. Zinin, Yu. N. Osnovnye uchastniki vnutripoliticheskogo konflikta v Livii [The main actors of interior political conflict in Libya]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 2016, no. 1, pp. 86–97. doi: 10.46272/2587-8476-2016-0-1-86-97.
6. Ivashov, L. G. Siriya v kontekste geopoliticheskoy situatsii v mire i na Blizhnem Vostoke [Syria in the context of the geopolitical situation in the world and the Middle East]. *Geopoliticheskiy zhurnal* [Geopolitical Journal]. 2013, no. 1, pp. 2–10.
7. *Comment by the Information and Press Department on the movement of foreign mercenaries to the Nagorno-Karabakh conflict zone*. Available at: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4363834 (accessed: 25.11.2023).
8. Manoylo, A. V., Stebneva, A. V., Strigunov, K. S. Iranskiy faktor vstupleniya Rossii v siriyskuyu vojnu: prichiny i strategicheskie riski [The Iranian Factor in Russia's Entry into the Syrian War: Reasons and Strategic Risks]. *Voprosy federativnykh i natsionalnykh otnosheniy* [Issues of National and Federative Relations]. 2020, vol. 10, no. 12 (69), pp. 2883–2893. doi: 10.35775/PSI.2020.69.12.018.
9. Repko, S. I. Gibridnye vojny SSHA (1979–2017) [American Hybrid Wars (1979–2017)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences]. 2017, no. 778, pp. 156–165.
10. Strigunov, K. S., Manoylo, A. V., Bezverbnnyy, V. A. *Feyki, vbrosy, gosudarstvennye perevoroty i demograficheskie vojny* [Fake news, coups, and demographic wars]. Moscow: Goryachaya liniya-Telekom; 2021, 408 p.
11. *SSHA pytayutsya pomeshat normalizatsii otnosheniy Sirii s arabskim mirom* [The United States is trying to prevent the normalization of relations between Syria and the Arab world]. Available at: <http://svr.gov.ru/smi/2023/05/ssha-pytayutsya-pomeshat-normalizatsii-otnosheniy-sirii-s-arabskim-mirom.htm> (accessed: 25.11.2023).
12. Truevtsev, K. Raspad Livii kak faktor napryazhennosti v Afrike i Sredizemnomore [The collapse of Libya as a factor of tension in Africa and the Mediterranean]. *Rossiya i musulmanskii mir* [Russia and the Moslem World]. 2017, no. 4 (298), pp. 80–99.
13. Khamza, A. Analiz sobytiy pervogo etapa grazhdanskoy vojny v Livii v 2011 g. na osnove raboty rossiyskikh issledovateley [Analysis of the events of the first stage of the civil war in Libya in 2011 based on the work of Russian researchers]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Journal of International Law and International Relations]. 2021, no. 3 (98), pp. 68–72.
14. Khodynskaya-Golenishcheva, M. S. Krizis v Sirii. (Mezhsiriyskiy peregovornyy protsess i politicheskaya siriyskaya oppozitsiya) [The Syrian crisis. (Inter-Syrian negotiation process and political Syrian opposition)]. *Rossiya i musulmanskii mir* [Russia and the Moslem World]. 2015, no. 10, pp. 88–106.
15. Khodynskaya-Golenishcheva, M. S. *Siriyskiy krizis v transformiruyushcheysya sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Syrian crisis in the transforming system of international relations]. Dr. hist. sci. diss. Moscow: 2018, 1047 p.
16. Cebrowski A., Garstka, J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future. *Proceedings of the Naval Institute*. 1998, vol. 124, no. 1, pp. 28–35.
17. *Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq*. Available at: https://www.cverefereceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (accessed: 24.11.2023).
18. Lacher, W. *Libya's Fragmentation Structure and Process in Violent Conflict*. London: I. B. Tauris; 2020, 304 p.

19. Smith, C. *Network Centric Warfare, Command, and the Nature of War*. South Carolina: CreateSpace Independent Publishing Platform; 2012, 78 p.

20. *The social engagement of social science: A Tavistock anthology*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1990, vol. 1, 625 p.

21. Wehrey F., Alrababa'h, A. *Rising Out of Chaos: The Islamic State in Libya*. Available at: <https://carnegie-mec.org/diwan/59268> (accessed: 25.11.2023).

Информация об авторах

Алаудинов А. А. – кандидат политических наук;
Стригунов К. С. – кандидат политических наук;
Гончаренко А. Р. – аспирант.

Information about the authors

Alaudinov A. A. – Candidate of Political Sciences;
Strigunov K. S. – Candidate of Political Sciences;
Goncharenko A. R. – postgraduate student.

Вклад авторов

Алаудинов А. А. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание исходного текста.

Стригунов К. С. – разработка концепции исследования, обработка и анализ материала; доработка текста.

Гончаренко А. Р. – научное редактирование текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Alaudinov A. A. – scientific management, development of the research concept, substantiation of the purpose of the article, writing the original text.

Strigunov K. S. – development of the research concept, processing and analysis of the material, text revision.

Goncharenko A. R. – scientific text editing, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 29.03.2024.

The article was submitted 10.03.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 29.03.2024.